

Юнь Чу, прислушиваясь к разговору, вдруг вспомнила, как только что выглядела благочестивая наложница, молящаяся Будде, и подумала, что эти две женщины — существе противоположности. Одна и в душе не имеет места для священного дерева бодхи, а другая — если уж получила удар, то непременно нанесет ответный. Впрочем, то, что Вэй Цзиньшу нашла в гареме опору, было даже к лучшему.

Когда они вышли за ворота дворца, их пути разошлись: покои Вэй Цзиньшу находились на другой стороне, поэтому ей не нужно было идти вместе с остальными наложницами. Юнь Чу, заметив это, поспешила следом, чтобы разузнать о том, что произошло в Дворце Феникса.

Вэй Цзиньшу огляделась по сторонам и велела Юэ И и остальным служанкам идти вперед, чтобы подготовить обед. Только тогда она заговорила с Юнь Чу:

— Наложница Сянь-фэй сказала, что жемчуг был куплен в лавке Редких сокровищ за пределами дворца, где обычно закупаются все знатные особы и чиновники столицы.

— За пределами дворца? Значит, нити ведут не внутрь?

— Сянь-фэй знала, что лавка принадлежит семье наложницы Цинь, поэтому дала ей денег, чтобы та купила партию украшений. Жемчуг был среди них.

— Выходит, теперь наложница Цинь стала главной подозреваемой.

Вэй Цзиньшу покачала головой:

— Не подозреваемой, ей уже вынесли приговор.

Юнь Чу замерла от удивления:

— Почему?

— Служанка наложницы Цинь, Сюань-эр, призналась, что по приказу своей госпожи спрятала яд в жемчужинах. Якобы Сянь-фэй постоянно притесняла наложницу Цинь: требовала покупать украшения, но денег не давала, забирая их силой. Вот они и придумали такой способ: если Сянь-фэй подарит жемчуг кому-то — это будет покушение на убийство, а если наденет сама — отравится.

Юнь Чу скептически хмыкнула:

— Слишком примитивно. Такое сразу вскроется.

— Но наложница Цинь взяла на себя всю вину.

Вэй Цзиньшу тоже терзали сомнения. Видя, что времени еще много, она повела Юнь Чу в

Императорский сад, надеясь обдумать все еще раз и понять, что они упустили. Они сели в беседке, и Юнь Чу, заметив проходящих мимо слуг, не стала снимать амулет невидимости.

Вэй Цзиньшу сделала глоток чая и медленно произнесла:

— Императрица приказала заточить наложницу Цинь в её покоях до решения Его Величества.

Юнь Чу покачала головой:

— Все равно не сходится. Если целью была месть Сянь-фэй, то почему отравилась наложница Шу-фэй? Она ведь даже не прикасалась к жемчугу.

— В моем жемчужном ожерелье в двух бусинах не хватало ядовитой пасты. Позже Хань Чжу отравила людей, и они нашли эту недостающую пасту в подушке Шу-фэй.

— И это тоже дело рук наложницы Цинь?

Вэй Цзиньшу отрицательно покачала головой:

— Несколько дней назад я видела, что Шу-фэй нездоровится, и навестила её. Те две порции яда я достала сама и подложила в её подушку.

Юнь Чу вздрогнула. Вэй Цзиньшу действительно была замешана в этом, и всё в точности совпало с тем, что было написано в Книге судеб: Вэй Цзиньшу отравила Шу-фэй.

— Зачем ты это сделала?

Вэй Цзиньшу опустила взгляд в чашку, её глаза блуждали, а сама она выглядела встревоженной. Наконец она подняла голову и спросила:

— Юнь Чу, если я буду следовать Книге судеб и стану императрицей, мы ведь сможем всегда быть вместе, верно?

Юнь Чу никогда не говорила с ней о Книге судеб, поэтому не понимала, к чему этот вопрос. Вэй Цзиньшу, заметив её замешательство, пояснила:

— Прошлой ночью я услышала, как ты произнесла это во сне.

Юнь Чу поняла: видимо, она проговорила, сама того не осознавая.

Вэй Цзиньшу произнесла по слогам:

— Вэй Цзиньшу отравила Шу-фэй и оклеветала другого человека. Так написано в Книге, не так ли?

— Да.

Вэй Цзиньшу облегченно вздохнула, почувствовав себя спокойнее:

— Юнь Чу, если для восстановления Книги нужно что-то сделать, просто скажи. Я поверю всему, что ты скажешь.

Искренний взгляд Вэй Цзиньшу обжигал сердце Юнь Чу, и она, не в силах вынести этого, отвела глаза. Вэй Цзиньшу не стала настаивать и добавила:

— Но кто на самом деле отравил Шу-фэй, я пока не знаю. Возможно, со временем это откроется.

Юнь Чу кивнула. Солнце припекало, и они решили вернуться во дворец. Прогуливаясь по гравиевой дорожке сада, утопающего в ароматах цветущих деревьев, Юнь Чу вдруг замерла, пораженная ярко-фиолетовыми цветами у стены:

— Что это за цветы? Такие пышные гроздья, очень красиво.

Вэй Цзиньшу проследила за её жестом:

— Это сирень.

— Значит, это сирень. Такие прекрасные цветы — и вдруг стали орудием убийства, — вздохнула Юнь Чу.

Она хотела идти дальше, но заметила, что Вэй Цзиньшу остановилась, погрузившись в глубокие раздумья.

— Сирень... — пробормотала она. — Нет, здесь ошибка.

— Какая ошибка?

Вэй Цзиньшу ответила глухим голосом:

— Это не наложница Цинь. Юнь Чу, ты ведь видела нефритовую подвеску, которую наложница Цинь всегда носит на поясе?

— Подвеску? Видела несколько раз, когда мы вместе ходили на поклон. Она так бережно к ней относится... — Юнь Чу нахмурилась, вспоминая узор. — На ней был изображен цветок сирени!

Вэй Цзиньшу не спеша пошла вперед, перебирая в памяти старое предание, прочитанное когда-то в книге.

— Говорят, жил когда-то ученый, который влюбился в дочь трактирщика. Они поклялись друг другу в вечной верности под луной. Ученый предложил ей рифму: Ледяное вино, одна капля, две, три... Девушка не успела ответить, так как отец узнал об их тайне и запретил им видеться. Девушка была гордой и покончила с собой. Ученый, убитый горем, дни напролет проводил у её могилы. Вскоре на том месте выросла сирень. Кто-то сказал ученому, что девушка ответила на его рифму: Цветы сирени, сто голов, тысяча, десять тысяч...

Вэй Цзиньшу пояснила:

— Эта подвеска — семейная реликвия дома Цинь. Они чтут верность и сыновний долг, сирень для них — символ нерушимой преданности. Мужчинам там нельзя брать наложниц, женщинам — выходить замуж второй раз... Сирень слишком чиста. Наложница Цинь выросла в такой семье, она с детства впитала эти идеалы и ни за что не стала бы травить кого-то сиренью!

— Неужели она призналась, чтобы защитить настоящего преступника? Может, у неё есть скрытые причины? — предположила Юнь Чу.

— Наложница Цинь добра, она со всеми в хороших отношениях и ни с кем особенно близко не сходилась, — спокойно ответила Вэй Цзиньшу. — В любом случае, она лишь под домашним арестом. Улики есть, рано или поздно мы найдем зацепку.

Юнь Чу кивнула. Раз отравление раскрыто, преступник, скорее всего, затаится на время.

Вспомнив замечание Вэй Цзиньшу о том, что она немного прибавила в весе, Юнь Чу стала следить за питанием, останавливаясь, как только чувствовала легкое насыщение. После обеда она снова взялась за Книгу судеб. Эпизод с отравлением Шу-фэй был исправлен, страница восстановлена. Но нельзя было раскрывать Вэй Цзиньшу слишком многого — чем больше она знает, тем вероятнее перемены.

Когда последняя трещина на странице исчезла, Юнь Чу перевернула лист:

— Вэй Цзиньшу притворно сближается с наложницей Шэнь, усердно учится у неё верховой езде и стрельбе из лука, побеждает на охоте и завоевывает расположение Сяо Чэньиня.

Страница была исписана плотнее, трещин было больше, но часть про сближение с Шэнь-жун уже исправилась сама собой. Остальное оставалось неизменным. Юнь Чу коснулась пальцами строк, и у неё разболелась голова.

Вэй Цзиньшу — хрупкая, плачущая от любого резкого слова — учится верховой езде и побеждает на охоте? Это казалось невозможным.

— Эта Книга... такая же ненадежная, как секта Шести бедствий, — Юнь Чу вздохнула, приложив руку ко лбу.

<http://bllate.org/book/18883/1844216>